

Зинаида, а проще Зинка, влюбилась в Николая окончательно и бесповоротно, как это могло случиться только с ней в силу огромного количества энергии и неумной фантазии. А может, просто потому, что пришло ее время. Хотя лично она объясняла это дурацким весенним гороскопом, который был куплен ею в городе. Пока Зинка ехала на автобусе в родную станицу, успела изучить свое будущее на ближайшее время и поняла, что ждет ее большая и светлая любовь со множеством испытаний. «Ну а какая любовь без испытаний?» – размечталась она. Но автобус тряхнуло, и Зинка вернулась к реальности. Южная весна вступала в свои права, но как-то нехотя, не спеша: то, что в природе должно было уже зеленеть, еще серело.

От остановки Зинка волокла две полные сумки. До дому идти было еще ой-ей сколько, и она размечталась: «Вот кабы появился какой джентльмен...» Но развить мысли помешали шаги за спиной.

– Давай помогу.

– Че? – Зинка даже скакнула, как-то неуклюже в сторону.

– Давай помогу, – перед ней стоял высокий широкоплечий парнище, коротко стриженный, с короткими усами, розовощекий, веселый, в воинском бушлате без погон.

– Колька! – завизжала Зинка, бросила сумки и повисла на его шее.

Парень покружил ее, поставил на место, подхватил сумки.

– Привет, Зин. Вишь, вернулся.

– Ой, Колька, когда?

– Сегодня утром прилетел.

– Ой, Колька, здорово!

– Ну как у нас? – они не спеша двинулись дальше, идти им было по пути, так как жили они рядом, по-соседски.

– По-старому все. Ленка с Валеркой поженились. Лариска родила. Петька – в Москве в институте. Арсен в милиции работает. Юрка – в тюрьме. Карен, Наташка, Светка – в Краснодаре учатся. А я в городе, окончила училище, работаю медсестрой в роддоме.

– А ты говоришь «по-старому», – улыбнулся Николай.

– Ну а что нового-то, – засмеялась Зинка.

– Приходи к нам сегодня – встречу отметим, я всех, кто из наших уже пригласил. К тебе заходил, мать говорит – на работе.

– А я вот с работы только еду. Здорово! – рассмеялась Зинка. – Хоть увидимся все.

Вечер удался на славу. Собрались все бывшие одноклассники, соседи. Даже Зинины родители, которые находились с Колькиными в контрах.

Ночью, засыпая, Зинка думала о том, что гороскоп, конечно, ерунда, но Колька сильно изменился, похорошел и возмужал. «Хотя до джентльмена ему, как мне до Пугачевой, – рассуждала она, ворочаясь на кровати. – Наша станица джентльмена не вырастит. Вот главный агроном, дядя Саша, на что с виду джентльмен, а ведь гонялся возле конторы совхоза за бабой Дарьей, крича: «Я тебе покажу эксперимент!» – когда узнал, что она полила розы для увеличения размеров бутонов специальной смесью, составленной из всех видов навоза, которые есть в природе нашей местности. Розы и правда зацвели на удивление. Нет, у нас джентльменов нет».

* * *

Дни шли за днями. Колька устроился на работу в городе, в охранную фирму.

– А куда еще идти работать? У нас либо в милицию, либо в охрану, – фыркнула Зинка, узнав от матери, где работает Николай.

Часто случалось, что ехали они в маршрутке

вместе. Болтали ни о чем. С работы вместе шли домой. А когда, наконец, весеннее и зеленое победило серое, Колька неожиданно предложил:

- Зин, а давай пойдем, посидим где-нибудь.
- Ой, ты что, Коль. Куда тут идти?
- Поехали в Анапу, там есть куда.

Возвращались домой глубоко за полночь, счастливые и возбужденные. Зинка решила, что хоть Колька и не джентльмен, но что-то в нём есть. Тем вечером она и поняла, что влюбилась окончательно и бесповоротно. Утром пошла в центр, сделала себе причёску, маникюр и все, что, по ее мнению, должно было привести Николая в бурный восторг. Зацвела сирень. Зинка шла легкая, воздушная и счастливая, словно ее пригласил на свидание тот самый, о ком она мечтала долгими зимними вечерами.

– Зин, а Зин, а чего ты так весела, а? – из калитки дома, что стоял как раз напротив Зинкиного дома, вышла баба Дарья. Небольшого роста бодренькая старушка, светящаяся от огромного количества нерастроченной энергии.

- Да так, – Зинка отвлеклась, улыбнулась, глядя на бабу Дарью.
- Че так-то? А?
- Баб Дарья, а давай я тебе помогу че-нибудь.
- Че мне помогать? Ты отвечай, чего веселая такая? Ты не влюбилась, а? Зинка?

– Да ты что, баба Дарья! Какая там любовь! Весна. Пахнет все. Так не надо помогать? Тогда я к мамке, – Зинка сверкнула лучами красивых глаз по бабке Дарье и, торопясь, скрылась в своем дворе.

Бабка Дарья поправила белый платок на голове и со словами: «Трэба проверить» – уселась на скамейку, «наблюдательный пункт», как называл ее Зинкин отец.

«Вот, старая, как в воду глядит, – думала Зинка, рассматривая себя в зеркало. – Хороша! Ой, хороша! И грудь, и талия, и носик аккуратный, и причёска высший класс. Влюбилась. Откуда заметила-то?» Пойти помочь матери помешал

шум во дворе. Это Колькина мать доказывала Зинкиной, что так нельзя жить соседям, когда наглым образом переместили между.

Ругались они уже года два, с тех пор как Колька ушел в армию. Вместе вспахали огороды, а когда наутро, после отмечания, ставили между, тут и разгорелся скандал. Вот и ругаются до сих пор: бабы стрекочут, а мужики сопят. Зинка уже несколько раз предлагала пригласить землемера, но отец рыкнул: «Не хватало еще и международного конфликта. Пусть пока идут бои местного значения».

* * *

Зинка ждала дня три. Сидела на лавочке. Ходила в «центр». Но Колька не столбенел от изменившегося облика соседки. Так брякнет, что-то вроде:

- Привет, Зин. В центр довезти?
- Довези.

Довезет. А после умчится куда-то по своим делам. Рукой помашет. Или еще хуже:

- Зин, надо собраться. Посидеть.
- Давай, – загоралась Зинка.

– Вот ребятам трактор соберу, и все вместе махнем. Ага?

- Ага.

В общем, сбой какой-то получался. Сидеть просто так Зинка не могла. Но, с другой стороны, не ухаживать же за ним. «Че я, дура? – Зинка сидела у телевизора, в котором говорящая голова вещала о великих политических событиях местной значимости. – Девок у него нет: он дома, да на работе. Трактор этот долбаный откуда взялся? Все возится возле него. Тоже мне, Кулибин. А я тут торчу, как подсолнух у дороги, кручу башкой за ним, как за солнцем».

– Зинка, а Зинка! Ты дома? Иди сюда, – вывел из задумчивости голос бабы Дарьи. Зинаида щелкнула пультом, уgomонив политика на полуслове.

- Че? – выскочила на крыльцо.

– Пошли, поможешь.

– Щас, – Зинка метнулась в комнату, надела джинсовый комбез, выскочила к соседке.

Работа была несложная – отнести прополотый сорняк в яму в конце огорода.

– О це бачишь, Зинка, тут у меня компотна яма.

– Компостная, баба Дарья!

– Який грэц ей розбэрэ, я по тиливизору бачила, отой хлопцы в очках казав, шо трэба шоб така яма була.

– А тебе зачем яма эта, если отец тебе три машины навоза привез, вон пирамиды Хеопса стоят.

– Хай будэ. Люды кажуть, шо трэба. Хай будэ.

– То ж они в городе придумали все в дело пускать, а тебе че, навозу не хватает? Ты вон смеси какие готовишь.

– А я так думаю, хай гние. А туди с навозом змишаю.

– Только розы не поливай, – засмеялась Зинка.

– Ой шпыгнула, зараза, а розы-то до ноябрьской рэволюции цвилы.

– Это точно.

Закончив носить траву, они присели на аккуратно расставленные пеньки.

– Зинка, а че ты светишься, как медный пятак? – бабка Дарья легко переходила со станичного говора на «молодежный» сленг.

– Да не свечусь я, весна просто, – отмахнулась Зинка.

– Ты дурочку с мэнэ нэ робы. Я ж бачу.

– Бачет! – всплеснула руками Зинаида и вдруг расплакалась. – Не знаю. Колька нравится.

Бабка Дарья обняла Зинку.

– Поревы, девка, поревы. Легче станет.

– Не знаю, что делать, – всхлипывала Зинка.

– Он на меня не смотрит, так, чтобы любовь.

– Ну, шо робыть? – вздохнула бабка Дарья.

– Шо робыть? – Зинка отходила от слез,

мгновенно, не горько плакала, так – от бессилия. – Ты и подскажи. Баб Дарья, ты все знаешь. Давай его приворожим.

– Ой дура! – всплеснула руками баба Дарья.

– Бога гневишь, – перекрестилась.

– Но смеси всякие варишь, – не унималась Зинка, – вон сколько у тебя книг старинных. Как сохранила-то?

– А ти кныгы ше моя матэр вынесла, туди, колы дом, помещиков грабылы. Уси тащылы мебель, посуду, золото шукалы. А вона кныгы тэхэнько пэрэносыла, тай заховала. А я и забула. А колы вже матэри нэ було, вже Горбачев, выпустив бисов в тиливизор, я и вспомныла, не могу дэвытсья на оцю бесовщину, почитаю стари кныгы. Полизла в схорон. Ой, а там клад! Я ше нэ всэ вынэсла.

– Та ты че, баба Дарья. А я и не знала.

– А я ни кому и нэ казала. Туби на прыданне бэрэгла, – забурчала баба Дарья.

– Почему? – Зинка от удивления даже встала.

– Так вы ж моя ридня. В мэнэ никого нэма. Всих война покосыла. Твоя бабка, колы вмэрала, мини наказала, твого батька ростыть, я и ростыла.

– Это я знаю.

– А чога пытаешь? Пишлы покажу.

Бабка Дарья легко поднялась и повела Зинку в дом. Дом у бабы Дарьи был старинный, казачий – с поперечными балками через весь потолок, аккуратно побеленный известью. Только кухня была пристроена. Когда затеяли проводить газ, местные газовые начальники уперлись: «В такой дом газ не проведем, не положено, некуда». Зинкин отец воевал с ними, да быстро понял: «Себе дороже». Собрал родню и в три дня сделал к казачьей хате саманную пристройку. Побегал где-то по городским кабинетам. Ввел в эксплуатацию, провел газ и наладил отопление. Так и получились у бабы Дарьи столовая с холлом и шикарная ретро-спальня, в которой Зинка с детства спасалась от летней жары.

– Ось дывысь, це ще праид мий строив. О тут, бачишь подвал, – показала на крышку перед печью.

– Ну? Знаю.

– Нэ нукай, а о тут, – бабка Дарья завела Зинку за печь и, наклонившись, подняла две доски – схорон.

– Елки! – вырвалось у Зинки.

– Дам по губам, – буркнула баба Дарья. – Полизлы, – она взяла фонарь, который лежал наготове.

– Так узко? – Зинка вопросительно посмотрела на бабу Дарью.

– А ты дывысь, там спициальни каменни выстupy. Я туды и заховала усю библиотеку.

Схорон оказался действительно просторным, обмазанным глиной, побеленным. В нем луч фонарика высветил пирамиды плоских ящиков, выкрашенных в белый цвет. Зинка потрогала рукой.

– Железные?

– Мабуть. Цэ ж от патронив. Як неэмэц побиг, их богато валялось. Я их тэхэнько сюда. Колы матерь поховалы, я довго тужила. А туди, думаю, треба жыть, та взялась прыбыраться, тай цэй схорон и вспомныла. Бачу: мыши-паразитки жують историческу риликвию. Я з нымы боролась, так воны заразы хытри. Нэпобидыми. Тильки ящикамы и спаслась. Ось дывысь, я тилькэ оцю коробку прочитала. А шо там и нэ знаю.

– Ого! – Зинка даже присела.

В схороне вдоль стенок стояло несколько десятков ящиков, полных книг.

– Ось дывысь, – продолжала баба Дарья, – дывысь, – она открыла один ящик, из нечитанных. Первой книжкой, которую осветил луч фонарика, было «Собрание редких отваров и зелий – приворотных и лечебных» П. Фронца.

«Это судьба», – мелькнуло в Зинкиной ошарашенной голове.

– Давай вытащим весь ящик, полистаем – Зинка подхватила ящик. Он был тяжелый, но не-

сти его было удобно. Вытащили вместе с бабой Дарьей, уселись на кровать. Разложили книги. Даже по этому ящику было понятно, какое сокровище еще лежит в схороне. Дошла очередь и до книги с редкими отварами.

– Баб Дарья. Гляди. Приворотное зелье для возбуждения любовных чувств.

– Вот достала. И в старых книгах нашла то, за что думка.

– Давай попробуем.

– Куда от тебя деться?

– Во! А говоришь, не читала.

– А че читать-то? Я же бачу.

Зинка с удивлением поглядела на бабу Дарью, как будто увидела ее впервые.

– Нехай так и буде, – пробормотала бабка.

Два дня Зинка бегала к бабе Дарье – благо дело, была выходная и рассматривала свое будущее приданое. Книги были потрясающие.

– Чего носишься? – мать удивленно глянула на Зинку. – Загостилась.

– Помогаю.

– Ну помогай.

Вернувшись со смены, Зинаида сразу забежала к бабе Дарье.

– Ну?

– Нукает она, – пробурчала баба Дарья. – Здорово, Зинка.

– Здравсте, баб Дарья.

– Садись. Бежала че ли?

– Шла быстро.

– Готово тебе зелье. Токи, гляди, меня не выдай, перед Богом согрешила – так мне там и отвечать, а тут перед людьми славиться не хочу.

– Баб Дарья! – Зинка вскочила, повисла на шее у старушки, да так, что чуть вместе не повалились на пол.

– Ох и кобыла ты, Зинка, крепкая, пора тебе и впрямь жеребца присматривать.

* * *

Врученная бабой Дарьей жидкость на вкус была квас-квасом. Зинка не удержалась, лизну-

ла. Вкусно! Ну теперь держись. Дома наскоро поужинав, выскочила встречать Николая. Ждать пришлось недолго. Николай шел размашистой походкой. Торопился.

– Привет, Зин.

– Здорово.

– Че сидишь?

– Да так.

– А я бегу. Сегодня запускать этот реликтовый агрегат. Если поедет – завтра рванем на природу. Давай?

– Давай. А я тебе квасу вот... Пить не хочешь?

– Молодец! Наш человек. До дому допрыгаю и выпью. Ну пока.

– Пока.

Николай пошагал к дому. Зинка юркнула к себе в комнату. Заскочила на кровать и замерла. «Ну держись. Че будет-то? Цветы притащит. Точно. Обломает всю сирень по дороге. Или розы на длинных ножках. Миллион, миллион», – Зинка даже замурлыкала.

Отец заглянул в комнату.

– О, поешь, лежишь. Иди матери помощи.

– А ты?

– А я... Я? Я тоже пойду. Вставай, наглая стала! «А ты?»

Зинка вскочила и порхнула мимо отца на огород помогать матери.

Домой Николай заскочил, с ходу, не разуваюсь. Поставил квас в холодильник.

– Обувь! – фыркнула мать.

– Щас. Поешь дай. Тороплюсь.

– Отцу бы помог, вон таскает тачку.

– Ага.

Выскочил во двор. Поздоровались с отцом. Клавдия, мать Николая, глядя в окно, покачала головой: «Ну один в один слепила, весь в Семена». Отец что-то говорил Николаю, закурил, махнул рукой. Клавдия села к столу. Забежал Николай.

Он сам похватал, что было, погрыз, запил мо- локом.

– Все, побежал. Там квас из города привез. Вкусный! – и выскочил на улицу, подумав: «Ну не говорить же, что это Зинкина мать сделала, выльет».

Клавдия вышла во двор. Походила между грядками. Семен шел, толкая впереди себя пустую тачку.

– Бросай, Сема. Отдохни. Тянет прохладой уже, пошли. Там Колька квас принес. Давай окрошку сделаю с молодой редиской. А?

– Давай. Весна все же. А то приучились из сыворотки. Не окрошка, а суп молочный.

– От ты бурчать мастер.

Окрошка удалась на славу. Родители так увлеклись, что Николаю мать сделала из надоевшей отцу сыворотки. Да и что там было квасу-то – бутылка.

Зинка просидела весь вечер у окна, ожидая Николая. Тот пронесся домой за полночь. Без цветов, даже не глянул. Рано утром Зинка была у бабы Дарьи.

– Значит, не пришел. А должен был. Может, Зин, я концентрацию не ту сделала.

– Может. Давай ту. Есть у тебя, баб Дарья?

– Во припекло-то. Щас найдем.

Вынесла бутылку. Зинка схватила, метнулась из дому.

Николай возвращался из магазина, нес сумки с хлебом и заказанными матерью продуктами.

– Привет, Зин.

– Привет.

– Ну, готовая? Сегодня едем на природу.

– Починил? – Зинка заблестела глазами.

– Ну!

– А как мой квас?

– Класс, – соврал Николай. – Давай еще.

– Как знала, что понравится. Держи, – Зинка протянула Николаю бутылку со свежей порцией зелья.

– Наш человек, – Николай сунул бутылку в пакет. – Готовься. Я через полчаса тебя заберу.

Двери в дом были открыты настежь. Николай тихо вошел в прихожую. Мать с отцом целовались на кухне. «Во дают, предки», — Николай тихо вышел, обратно вернулся к калитке. Посто-ял. Заглянул зачем-то в почтовый ящик. Потом, как бы решил на что-то, заорал:

— Дверь чего нараспашку?! — двинулся в дом.

— Дак ведь весна, тепло — навстречу выбежала мать, веселая, светящаяся.

Отец забрал сумки.

— Ну, мы поедем на огород.

— Ну-ну, а я поеду на природу.

— Поезжай, сынок, отдохни, только осторож-но, — мать взъерошила ему волосы.

— Динозавра то своего отремонтировали? — отец полез в карман.

— Ну да.

— Отмечать будете?

— Ну так. Чуть-чуть. Пивом.

Достал из кармана деньги.

— На, матери не говори. Да гляди не до утра, — пошел вслед за матерью на огород.

Николай собрался. Крикнул:

— Пока! — и ушел, прихватив с собой Зинку.

Клавдия с Семеном занялись огородом. Но работать не хотелось. Мир был такой ласковый, теплый. Хотелось петь. Любить. Птицы пели как-то по-особенному, как в молодости. Пахло все ароматно и сочно.

— Семен, давай тоже на природу, — Клавдия блаженно потянулась.

— Давай.

— Я пойду, соберу что-нибудь.

— Да купим!

— Погоди. Соберусь, — Клавдия ушла в дом и через минуту вернулась.

— Семен. Что ж ты не сказал, что кваса две бутылки, вот еще одна.

— Да я не знаю. Может, Николай принес.

Тут Клавдия заметила соседей — Ивана с По-

линой. Иван тащил бревно. Полина упиралась. Силилась помочь. Бревно было тяжелое, самим им было не справиться. Еще вчера бы подумала: «Упирайтесь, упирайтесь». А сегодня — сегодня что-то случилось, и Клавдия сама не понимала почему, поддавшись какому-то внутреннему порыву, крикнула:

— Семен, что ты стоишь? Вон Иван надрывает, помоги!

Семен, как будто не было двухлетней борьбы за межу, легко скакнул через забор, подхватил бревно, но оно не поддавалось, Полина с Иваном глядели на Клавдию с бутылкой в руках, перескакивающую невысокую преграду. Вчетвером они вытолкали бревно на место предполагаемого лежания.

— Как на ленинском субботнике, — Клавдия весело уселась на бревно. Протянула Полине бутылку: — Держи квас. Николай из города привез.

Полина, как замороженная, приняла бутылку, выпила. Протянула обратно Клавдии. Та передала Ивану.

— Пейте, мы с Семеном не запыхались, а вы тут как муравьи пашете.

Иван попробовал квас.

— Хорош.

— Пей, пей, — Семен закурил. — А давайте с нами, на природу!

Когда Иван допил квас, они еще немного посидели и решили ехать на природу все вместе. Женщины засуетились. Начали собирать на стол. Вывалились на улицу шумной компанией, и тут Клавдия предложила:

— Давайте бабу Дарью с собой возьмем. Сколько, поди, не выбиралась.

— Молодец, Клавдия, — поддержал Иван.

Баба Дарья сидела на кухне и читала какую-то старинную книгу.

— Что читаешь, Дарья Семеновна, книга-то какая старинная, не букварь? — Иван весело обнял бабу Дарью.

– Який букварь. Бачишь – «История Пан-тикапейского царства», – баба Дарья отложила книгу в сторону.

– Ого! Никак преподавать собралась в школе?

– Да куда мне старой-то!

– Твоя старость любой молодости фору даст. Я че зашел. Поехали с нами. Клавдия, Семен, Полина и я на природу собрались.

– Куда? – баба Дарья сняла очки и удивленно поглядела на Ивана, даже привстала.

– Да в горы. Посидим, весну поглядим.

– А межа? – охнула баба Дарья – Договорились что ли?

– Да кому она нужна! Полина с Клавдией вообще решили забор снести. Стареем, говорят, трудно скакать через него.

– Боже правый... – баба Дарья даже перекрестилась. – Услышал мои молитвы, вразумил дурней.

– Так поедешь или что? – засмеялся Иван.

– Пойду, хиба ж я така стара? – подхвати-лась баба Дарья. – Дождитесь ось, я зараз.

Иван вышел от бабы Дарьи. Компания уже уселась в микроавтобус Семена, который он использовал для мелких вылазок в былые времена, а вот уже два лета отдавал в аренду.

Когда выехали за станицу, женщины запели, мужики подхватили. Баба Дарья даже заволновалась:

– Вы не выпили, часом? Глядите.

– Да не, баб Дарья, весна! – отозвалась Полина.

Разместились на поляне за перевалом. Вид с этого места был грандиозный, даже море блесло на горизонте голубизной. Женщины колдовали с обедом. Мужики развели костер и со знанием дела мариновали мясо. Баба Дарья по близости собирала побеги какой-то лишь ей известной травы, которая полезна только весенне-го сбора и обязательно до цветения. Когда сели за стол, благо в автобус загрузили раскладной, со

стульями – Клавдия достала баллон с домашним вином.

– Дак вы мне скажите за межу-то, – завела разговор баба Дарья.

– Да ну ее к лешему. Межу эту. Семен, открой баллон. Вон дети полюбятся, да сделаем общую фазенду, – Клавдия подхватила баллон, вылила в красивый глиняный кувшин.

– Иван, наливай, ты что столбенеешь? – Полина махнула Ивану. – Клавдия вон сватов присылать собралась.

Мужики переглянулись, бросили мариновать мясо.

– Да за такое дело, мы Зинаиду как родную любим, – начал было Семен.

– Николай-то говорил с вами? – Иван налил всем по стакану.

– А че говорить-то? – Клавдия подмигнула бабе Дарье. – Давайте считать, что мы договорились.

– Вот это по-нашему, – засмеялась Полина.

– Це гарный сговор, як шо сговорились, – баба Дарья сделала глоток. – Ох и вино! Чистое! Виноградное.

– Каберне, – Клавдия гордо глянула, – сама делала.

– Резкое, хорошее, – Иван схватил кусок сыра повернулся к костру.

– Вот бы из каберне научились окрошку делать, а то – сыворотка. Хорошо, Николай квас носит, – бросил Семен на ходу, спеша к соседу, уже возившемуся с мясом.

– А який квас? – встрепенулась баба Дарья.

– Так Николай с городу принес вчера бутылку, да сегодня еще одну, – Клавдия блаженно потянулась.

– Да, славный квас! – Полина подошла к ней поближе. – Споем?

– Споем.

Женщины запели. Баба Дарья прикрыв рот рукой, глядела то на мужиков, то на поющих женщин. Глаза ее смеялись.

Зинка шла с Николаем и, украдкой поглядывая на него, думала: «Ну, когда? Концентрация же увеличилась!» Николай был счастливый. Веселый, но никакими действиями не выказывал, что объектом его счастья является Зинка. И она в суматохе радостной кутерьмы, связанной с выходом целой компании на природу, несколько отвлеклась. А потом просто позабыла, дел-то свалилось сколько – того заставь дров для костра поднести, этого за водой сбегать. Командовала Зинаида решительно и скоро, успевала и в волейбол поиграть, и песни послушать, и проследить, чтобы на походном столе все было в порядке. И только дома, когда вечером вернулась, пролетев по комнатам и определив, что родителей нет, очнулась. «Куда делись-то, родственники?» А услышав голос Николая, охнула: «Зелье сработало!». Наскоро привела себя в порядок и выскочила к нему.

– Давай посидим, Зин, на лавочке?

– Да как нагулялись уже, по дому вон прибраться надо, – Зинка говорила, но с ужасом думала: «А вдруг уйдет».

– А твои дома?

– Не-а.

– И моих нет.

– Куда уехали? Ни записки, ничего.

– Пошли у бабы Дарьи спросим.

Бабы Дарьи дома не оказалось. Все было закрыто. Никаких опознавательных знаков по поводу отлучки.

– Межу пошли делить, – зло буркнул Николай.

– Вот далась им эта межа.

– От скуки это они. Тоже мне – гоголевские персонажи.

– А может, что с бабой Дарьей? – всполошилась Зинка.

Вернулись к лавочке, что стояла как раз между дворами соседей и с которой-то собственно межа и начиналась.

– Я позвоню в «Скорою», – Зинаида подхватила, быстро зашла в дом, Николай следом.

– Але! Тетя Валя, тетя Валя, к бабе Дарье «Скорою» не вызывали?

– Та ты что, Зинаида, баба Дарья сама как скорая помощь по станице носится со своими отварами – нас переживет.

– Так дома нет.

– Врачует кого-то, мы третьего дня к Самсонычу по вызову приехали, а она уже там поит его какой-то смесью.

– Той, что розы поливала – хихикнула Зинка.

– Наколет она тебе язык, Зинаида, ладно не отвлекай. Жди свою бабуся.

– Спасибо! – Зинаида положила трубку, обернулась к Николаю. – Все нормально.

– Я слышал. Зин, а давай поженимся.

«Ясный свет, сработало!» – у Зинаиды даже в глазах потемнело. Хотела броситься на шею к нему, поцеловать, так чтоб дух захватило. А вырвалось глупое:

– Ты че? Я это не думала даже, – подняла глаза на Николая. И только теперь увидела, как ясно и радостно он смотрит на нее. Так ясно и ласково, по-доброму, что не было никакого сомнения – любит. Но в голове мелькнуло: «Вот сварила, так сварила баба Дарья». Зинаида, сопротивляясь своим чувствам и желаниям, взяла Николая за руку.

– Пошли, поговорим. Мне тебе что-то сказать надо.

– Пошли, – Николай как ребенок пошел следом за ней, светлый и уверенный в том, что все, что скажет Зинаида, уже не изменит ничего. Сидели на лавочке молча, огромные звезды как живые то ли подмигивали, то ли играли с тем, кто глядел на них, словно своим мерцанием силились сказать

что-то сокровенное. И, взглядывались в это мерцание, сокровенное уже само приходило на ум, но Зинаида оборвала зачарованную тишину.

— Это не любовь, Коля, — сказала она тихо, испугано.

— Ты откуда знаешь?

— Ну знаю. Это тебя ко мне как к женщине тянет.

— Во, гляди. Ты мне объясняешь, как меня к женщине тянет. Тянуло б как к женщине, я б тебя и утянул.

— Ой, утянул бы?

— Ну, не болтай, дурь-то. Я по-другому, я по-настоящему.

— Значит, это наваждение такое. Знаешь, бывает. Бах! И кажется — все! А потом ничего-то и нет.

— Зин, ты мне голову не морочь, у тебя есть кто-то? Я ведь серьезно, я не отступлюсь. Да?

— Да нет у меня никого.

— Тогда говори, согласна или нет?

— Коль, давай подождем.

— Чего ждать? Или ты не это. Ну как его.

— Ну не мучайся. Я тебя, Коля, тоже люблю, только признаться должна. Я мерзкая зараза, такая, что ты узнаешь — десятой дорогой обходить будешь.

— Да знаю я, какая ты зараза. Вот заразу и люблю, потому что ты такая, ну я не могу объяснить.

— Ладно, сам напросился. Скажи, ты квас мой пил?

Николай резко умолк. Опустил голову, и даже в темноте было видно, как он покраснел.

— Чего ты молчишь!

Зинаиду вот-вот должно было понести, и тогда она выложила бы все на свете про это проклятое зелье, и про то, как она его выпросила у бабы Дарьи, и как подсунула ему — Николаю.

— Нет, — тихо ответил Николай.

— Что нет? — не осознавая сути ответа, тем же тоном спросила Зинаида.

— Ну не пил, не пил, а что, это так важно? — возмущенно посмотрел на Зинаиду, даже встал. Потом сел.

— Как не пил?

— Ну так, не успел. Но я тебе обещаю, выдуть ведро этого кваса, если от этого зависит твоё решение.

— Не пил! — Зинаида вдруг подскочила. — Ох, Коля!..

* * *

За полночь автобус с шумной компанией новоявленных родственников въехал в станицу.

— А ну, сват, тихонько, кто-то нашу лавочку занял, — Иван глядел через плечо Семена.

— Целуются.

— Тормози, посмотрим, — подскочила Полина.

— Наши! — Клавдия толкнула Ивана в бок.

Автобус притормозил. Все затихли и в полной тишине услышали шепот бабы Дарьи. Обернулись, как по команде.

Баба Дарья тихо молилась на заднем сиденье.

Свадьбу играли через месяц. ■